



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Т.А. Владыкина*

КООРДИНАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: Конституция РФ (ст.2) провозглашает приоритет прав и свобод человека как высшую ценность. Иными словами, в современной России, неуклонно движущейся по пути построения правового государства, интересы личности, их защита представляют собой центр притяжения всех сил и возможностей органов государственной власти и органов местного самоуправления. В соответствии со ст. 6 УПК РФ защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, с одной стороны, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения – с другой, становятся основными задачами уголовного судопроизводства. Анализ законодательства и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что по делам частного обвинения частноправовой элемент правового регулирования, состоящий в инициировании уголовного преследования непосредственно потерпевшим, необходим для обеспечения юридического равенства фактически неравных участников уголовного судопроизводства – дознавателя, следователя, прокурора, с одной стороны, и частного обвинителя – с другой. При этом обладателями частных интересов выступают только граждане и юридические лица. Государство, его органы не могут иметь частного интереса участия в уголовном судопроизводстве. Являясь носителем публичного интереса, государство: 1) регулирует посредством принятия, изменения, дополнения уголовно-процессуальных норм общественные отношения, составляющие предмет уголовно-процессуального права; 2) в лице уполномоченных на то органов и должностных лиц принимает участие в качестве субъекта в уголовно-процессуальных отношениях. Эти органы обязываются, действуя строго в правовом поле, неуклонно обеспечивать охрану законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, т.е. лиц, наделенных уголовно-процессуальным законом, правами и обязанностями сообразно их процессуальному положению. В настоящее время российское уголовно-процессуальное право обнаруживает достаточно глубокое проникновение частноправовых начал в его правовое регулирование. Вместе с тем данная отрасль не приобретает комплексный характер, не утрачивает самобытность. Различные модели сочетания публичных и частных начал в уголовном процессе не отменяют того очевидного факта, что для обеспечения эффективной защиты, как частных, так и публичных интересов от преступных деяний должны применяться публичные средства механизма уголовно-процессуального регулирования.

Ключевые слова: публичное право, частное право, правовой интерес, уголовно-процессуальное регулирование, назначение уголовного судопроизводства, дела частного обвинения, уголовное преследование, приговор, потерпевший, преступление.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.2.9289

© Владыкина Татьяна Анатольевна

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Благовещенского филиала современной гуманитарной академии
[vladikina_t@mail.ru]

675000, Россия, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Тепличная, 15, кв. 29.



Публичные и частные интересы как система поведенческих стимулов участников уголовно-процессуальных отношений. Каждый исследователь, стремящийся внести посильный вклад в исповедуемую им отрасль науки, первоначально определяется с необходимым для этого теоретико-методологическим инструментарием. Содержание и комбинации составляющих этот инструментарий элементов весьма специфичны, варьируются в зависимости от предмета исследования, его целей и задач. Однако глубокая проработка научной материи (и материя права – не исключение) невозможна без обращения к органическому, неотъемлемому элементу любого исследования – понятийно-категориальному аппарату. Для уяснения соотношения публичного и частного начал в уголовно-процессуальном регулировании определяющей представляется правовая категория «интереса». Он (интерес) – не просто потребность, а потребность осознанная, получившая импульс побудительного мотива к конкретному поведению физического или юридического лица, государства в определенной ситуации; это стимул действия. Именно интересы отдельного субъекта и интересы публично-правового свойства становятся объективной основой существования таких правовых феноменов, глобальных активных право порядков, как публичное и частное право.

Проблема сочетания публично-правовых и частноправовых начал в уголовном процессе – площадка неутрачивающих научных дискуссий, диапазон мнений в которых порой обнаруживает диаметрально противоположные позиции¹. Законодательные гарантии защиты прав личности (ее жизни, здоровья, имущества и т.д.), провозглашенные в ст.6 УПК РФ, свидетельствуют о том, что ведущие частноправовые ценности охраняются публичными

методами и средствами. В.А. Семенцов и О.В. Гладышева полагают, что уголовное судопроизводство осуществляется в публичном порядке по всем делам, за исключением тех, для которых установлен иной (частно-публичный или частный) порядок. По их мнению, идея публичности включает следующие элементы: официальность ведения производства по уголовным делам; выполнение государственными органами такой задачи, как обеспечение неотвратимости уголовной репрессии для виновных в совершении преступления². По нашему мнению, если вся идея публичности сводится к этим двум элементам, то она без труда прослеживается в ранее исключенных В.А. Семенцовым и О.В. Гладышевой делах частного обвинения, поскольку, во-первых, производство по ним осуществляется не кулуарно, а официально – *ex officio*, т.е. от имени государства – в общем порядке с изъятиями, установленными Главой 41 УПК РФ. Во-вторых, по делам частного обвинения частноправовой элемент правового регулирования, состоящий в иницировании уголовного преследования непосредственно потерпевшим, необходим для обеспечения юридического равенства фактически неравных участников уголовного судопроизводства – дознавателя, следователя, прокурора, с одной стороны, и частного обвинителя – с другой. В этом смысле выполнение судом задачи обеспечения неотвратимости уголовной репрессии преступника при отказе потерпевшего от примирения (ч.5,6 ст.319 УПК РФ), очевидно.

Изучая правовые интересы участников уголовного судопроизводства, О. Соломина считает необходимым «обратить внимание на наличие у государства частного интереса по обеспечению частных интересов лиц, потерпевших от преступления»³. Считаем, что обладателями частных интересов выступают только граждане и юридические лица. Государство, его органы не могут иметь частного интереса участия в уголовном судопроизводстве. Являясь носителем публичного интереса, государство: 1) регулирует посредством принятия, изменения, дополнения уголовно-процессуальных норм общественные отношения, составляющие предмет уголовно-процессуального права; 2) в лице уполномоченных на то органов и должностных лиц принимает участие в качестве субъекта в уголовно-процессу-

¹ Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5. С. 34; Багаутдинов Ф. Отражение публичных и личных интересов в принципах уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2002. № 4. С. 55; Головкин Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. 1999. № 3. С. 66; Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе: Дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 134-136; Масленникова Л.Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М., 2000. С. 24-26; Петрухин И. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 24 – 25; Рябцева Е.В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе // Общество и право. 2011. №5. С.10; Шадрин В.С. Обеспечение прав личности и принцип публичности в уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 4. С. 97 и др.

² Семенцов В.А., Гладышева О.В. О взаимосвязи публичности, законности и справедливости в системе уголовного судопроизводства // Общество и право. 2011. №1. С.8-9.

³ Соломина О. Государство в уголовном судопроизводстве. М., 2011. С.167.



альных отношениях. Эти органы обязываются, действуя строго в правовом поле, неуклонно обеспечивать охрану законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, т.е. лиц, наделенных уголовно-процессуальными законными правами и обязанностями сообразно их процессуальному положению.

Формы координации публичного и частного в уголовно-процессуальном регулировании. 1. *Публичные и частноправовые начала выполняют равнозначные функции в процессе уголовно-процессуального регулирования.* Потерпевший, являясь лицом, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации (ч.1 ст.42 УПК РФ), имеет в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы, для защиты которых он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения (п.47 ст.5 УПК РФ) наделен правами стороны в судебном процессе. Такой подход к регламентации прав потерпевшего корреспондирует положениям Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью⁴. Эти требования совпадают и с Рекомендацией Комитета Министров Совета Европы N R (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса»⁵, в которой подчеркивается, что важной функцией уголовного правосудия должно быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего, повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию, в связи с чем необходимо в большей степени учитывать запросы потерпевшего на всех стадиях уголовного процесса, в частности пересмотреть внутреннее законодательство и практику в соответствии с принципом предоставления потерпевшему права просить о пересмотре компетентным органом решения о непреследовании или право возбуждать частное разбирательство (Преамбула, пункт 7 раздела I.A.). Следовательно, интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного ему вреда – они в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о состоятельности, доказанности обвинения.

По делам частного обвинения принципиально важно установить ту грань, до которой до-

пустимо использование частноправовых начал в организации уголовно-процессуальных отношений, и за которой, соответственно, реализация основного критерия такой допустимости – интереса потерпевшего – может превратиться в произвол. Например, реализация частного интереса (защиты здоровья гражданина) неправомерными действиями, скажем, посредством обвинения в умышленном причинении легкого вреда здоровью (ч.1 ст.115 УК РФ) не действительного преступника, а иного лица создает предпосылки для функционирования соответствующих публичных охранительных норм – ст.306 УК РФ («Заведомо ложный донос»). Более того, в предусмотренных УПК РФ случаях (ч.4 ст.20) свобода усмотрения сторон при реализации предоставленных им диспозитивных прав ограничена публичными методами⁶.

2. *Регулирование уголовно-процессуальных отношений с использованием элементов частноправового инструментария.* Поступательное развитие форм социального общения между людьми всегда диктовало потребность в предоставлении им возможности по согласованной воле, даже в условиях уголовного-правового конфликта, использовать определенные модели его преодоления. Одной из таких моделей явились договоры, в числе которых для уголовно-процессуального права немаловажными являются международные договоры Российской Федерации (ч.3 ст.1 УПК РФ). При этом следует учитывать, что термин «договор Российской Федерации» носит в значительной степени условный характер. Несмотря на его ратификацию, он не трансформируется во внутригосударственный акт Российской Федерацией, а сохраняет статус международного договора – соглашения, в котором Россия участвует в качестве стороны. Так, примером применения договорного метода в регулировании уголовно-процессуальных отношений являются договоры Российской Федерации с иностранными государствами о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам⁷.

⁶ Детальный анализ таких ограничений произведен В.В. Хатуаевой. Хатуаева В.В. Соотношение публичного и частного (диспозитивного) начал в современном уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2011. №1. С.11-12.

⁷ Договор между Российской Федерацией и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 21 июля 1992 г., Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 3 февраля 1993 г., Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по

⁴ Утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г. // Документ не опубликован, размещен в СПС «Консультант Плюс».

⁵ Принята Комитетом Министров Совета Европы NR (85) 11 28 июня 1985 г. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С.114-116.



3. Публичный акт (приговор суда) порождает и (или) прекращает гражданские правоотношения. Обусловлено ли обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве формальным признанием лица участником производства по уголовному делу? Несмотря на наличие на этот счет разнообразных мнений⁸ ответ на этот вопрос, как представляется, должен быть отрицательным. Как подчеркнул в своем постановлении от 27 июня 2000 г. №11 «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова»⁹ Конституционный Суд Российской Федерации, обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права.

Таким правом может являться и право собственности на имущество, признанное вещественным доказательством по уголовному делу. Как видно из материалов дела, рассмотренного Астраханским областным судом (приговор от 23 января 2009 г.) Х., допрошена в стадии предварительного расследования в качестве свидетеля. Суд, установив принадлежность детских товаров в количестве 72.000 шт. Х., в резолютивной части приговора постановил об их конфискации. В кассационной жалобе заявительница Х. указанный приговор в части решения вопроса о конфискации вещественных доказательств просила отменить на том основании, что этот товар принадлежит ей на праве собственности. Вместе с тем в нормах УПК РФ (ч.4, 5 ст.354), действовавших на момент возникновения спорной ситуации, в отличие от нынешних (ст.389.1, ч.1 ст.401.2), иные лица в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы не имели права обжалования обвинительного приговора.

гражданским и уголовным делам от 5 марта 1996 г., Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 17 июня 1999 г., Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 16 сентября 1996 г. //СПС Консультант Плюс.

⁸ Анализ точек зрения по этому вопросу см.: Коленко В. Проблемы уголовного судопроизводства в современной России. М., 2011. С.156-160.

⁹ СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

Отменяя приговор Астраханского областного суда от 23 января 2009 г. в части конфискации в доход государства вещественных доказательств и направляя дело на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ справедливо ссылалась на провозглашенное в Конституции РФ право гражданина на судебную защиту, которая, как ранее разъяснил Конституционный Суд РФ, предполагает, в том числе, право заинтересованных лиц добиваться исправления ошибок, допущенных в ходе производства по уголовным делам, путем процессуальной проверки вышестоящими судами законности и обоснованности приговоров, определений и постановлений, принимаемых нижестоящими судебными инстанциями¹⁰.

Как правильно указала в деле Х. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, по смыслу положений УПК РФ в случаях, когда решением суда затронуты права и законные интересы граждан, не признанных в установленном законом порядке участниками производства по уголовному делу, последнее обстоятельство не может рассматриваться как препятствующее этим гражданам обжаловать в кассационном порядке такое решение суда. Данная позиция Верховного Суда РФ является правильной и, на наш взгляд, лежит в плоскости, заданной Конституционным Судом Российской Федерации, который счел недопустимым ограничение права на судебное обжалование действий и решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, на том лишь основании, что эти граждане не были признаны в установленном законом порядке участниками производства по уголовному делу¹¹. Кроме того, поскольку уголовное дело,

¹⁰ См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. №20 «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» //СЗ РФ. 1998. № 28. Ст. 3393; от 17 июля 2002 г. № 13 «По делу о проверке конституционности положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 УПК РСФСР, статьи 41 УК РСФСР, статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан» //СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3160; от 8 декабря 2003 г. №18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. №51. Ст.5026.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. №20 №5 «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.К.Борисова, Б.А.Кехмана, В.И.Монастырцекого, Д.И.Фуфлыгина и Общества с ограниченной ответственностью «Моноком» //СЗ РФ. 1999. №14. Ст.1749. См.,



по которому Х. проходила свидетелем, было рассмотрено судом в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, она фактически была лишена процессуальной возможности для обеспечения своих законных интересов (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 марта 2009 г. №25-009-11¹²).

Итак, гражданско-правовая регламентация оснований прекращения права собственности всецело направлена, прежде всего, на обеспечение неприкосновенности частной собственности граждан и юридических лиц. При разрешении уголовно-правового конфликта переход имущества из частной собственности в собственность публичную возможен только при условии строгого соблюдения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства – ст.104.1 УК РФ и ч.3 ст.81 УПК РФ.

4. Частноправовые формы выполняют публичные функции. Одним из основных субъектов гражданского права является юридическое лицо, которое в зависимости от целей создания и деятельности может быть, соответственно, организацией коммерческой или некоммерческой (ст.50 ГК РФ). Главой 23 УК РФ предусмотрено привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Решая вопрос о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст.204 УК РФ, судам, как указал Пленум Верховного Суда РФ в п.7,8 постановления от 10 февраля 2000 г. N 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»¹³, следует исходить из положений ГК РФ о юридических лицах (ст.50, 130, 120 ГК РФ).

Важным условием правильного применения статей данной главы является учет условий осуществления уголовного преследования, содержащихся в п.2, 3 примечания к ст.201 УК РФ: если деяние, предусмотренное статьями главы 23, причинило вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия. По мнению К. Енова, исключение, сделанное законодателем для государственных

и муниципальных предприятий, необоснованно, поскольку не отражает современных реалий¹⁴. Далее Е. Енов настаивает на том, что эти предприятия, как и любые коммерческие организации обладают общей гражданской правоспособностью, а «в случае причинение им вреда в уголовно-процессуальных отношениях потерпевшими выступают их собственники. Вот и все»¹⁵. К таким высказываниям, построенным по принципу знаменитой сентенции Гегеля: «Если факты против меня, тем хуже для этих фактов», действительно трудно что-либо добавить. К сожалению, невежество в общетеоретических вопросах в последние годы стало весьма распространенным явлением и нередко выдается едва ли не за достоинство того или иного псевдонаучного подхода. Нельзя сказать, что трансформация научного духа совершается сама по себе, не волнует ученых; тревога по поводу беспрепятственного распространения в обществе псевдонаучных взглядов высказывалась неоднократно¹⁶. Отрадно осознавать, что научные постулаты в большинстве случаев объективно продолжают действовать независимо от некавалифицированной критики.

Определенная государством и формализованная в гражданском законодательстве (ст.49 ГК РФ) общая или специальная правоспособность юридического лица обусловлена социальной значимостью осуществляемой им деятельности. Унитарное предприятие, а именно о нем фактически ведет речь К. Енов, обладает не общей, а специальной правоспособностью (абз.2 п.1 ст.49 ГК РФ). Создавший такое предприятие публичный собственник сохраняет право собственности на переданное предприятию и приобретенное им в процессе осуществления производственной деятельности имущество. Само предприятие, по сути, использует чужое имущество, за целостность и сохранность которого отвечает перед собственником. Поэтому, когда вред причинен имуществу, закрепленному за государственным или муниципальным предприятием во владение, пользование и распоряжение (п.4 ст.214 и п.3 ст.215 ГК РФ), такое предприятие признается потерпевшим (п.21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»¹⁷). В случае соверше-

также: определение Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2004 г. №119-О «По жалобе гражданки Семенов Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» //СЗ РФ. 2004. №23. Ст.2333.

¹² Документ не опубликован, размещен в СПС «Консультант Плюс».

¹³ Бюллетень Верховного Суда. 2000. №4. С.7-8.

¹⁴ Енов К. Потерпевший в уголовном процессе. Хабаровск, 2011. С.156.

¹⁵ Там же. С.157.

¹⁶ См., подробнее: Мигдал А.Б. Поиски истины. М., 1983. С.50 и след.

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. №6. С.6.



ния преступления, предусмотренного нормами статей главы 23 УК РФ при отсутствии заявления потерпевшего – государственного или муниципального предприятия – уголовное преследование осуществляется на общих основаниях, т.е. так как производится при причинении вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства (п.3 примечания к ст.201 УК РФ).

Подытоживая сказанное, заключим: в настоящее время российское уголовно-процессуальное право обнаруживает достаточно

глубокое проникновение частноправовых начал в его правовое регулирование. Вместе с тем данная отрасль не приобретает комплексный характер, не утрачивает самобытность. Различные модели сочетания публичных и частных начал в уголовном процессе не отрицают того очевидного факта, что для обеспечения эффективной защиты от преступных деяний, как частных, так и публичных интересов должны применяться публичные средства механизма уголовно-процессуального регулирования.

Библиография

1. Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. N 5.
2. Багаутдинов Ф. Отражение публичных и личных интересов в принципах уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2002. N 4.
3. Головкин Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. 1999. N 3.
4. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе : дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
5. Енов К. Потерпевший в уголовном процессе. Хабаровск, 2011. 156 с.
6. Коленко В. Проблемы уголовного судопроизводства в современной России. М., 2011.
7. Масленникова Л.Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М., 2000.
8. Мигдал А.Б. Поиски истины. М., 1983.
9. Петрухин И. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. N 3.
10. Рябцева Е.В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе // Общество и право. 2011. №5.
11. Семенцов В.А., Гладышева О.В. О взаимосвязи публичности, законности и справедливости в системе уголовного судопроизводства // Общество и право. 2011. №1.
12. Соломина О. Государство в уголовном судопроизводстве. М., 2011.
13. Хатуаева В.В. Соотношение публичного и частного (диспозитивного) начал в современном уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2011. №1.
14. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности и принцип публичности в уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 4.
15. Тарнавский О. А., Акулин О. С. Отдельные проблемные вопросы относительно процессуальной фигуры потерпевшего в уголовном судопроизводстве России // Право и политика. 2011. №12. С. 2053 – 2056.
16. Заксон А.Ю. Право на обжалование в уголовном процессе Франции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. №4. С. 168 – 172.
17. Мельников В.Ю. Права личности в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2013. №1. С. 84 – 90.
18. Ветрова Г.Н. Решения в механизме правового регулирования уголовно- процессуальной деятельности // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2009. №6. С. 1341 – 1364.
19. Сидоренко Э.Л. Диспозитивные начала в уголовном законодательстве зарубежных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. №4. С. 92 – 101.
20. Мельников В.Ю. Обеспечение прав и законных интересов граждан в ходе уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3. С. 210 – 218.
21. Панокин А.М. Дифференциация процессуальной формы в уголовном судопроизводстве // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2010. № 3. С. 652 – 659.

References

1. Aleksandrov A.S. Printsipy ugovornogo sudoproizvodstva // Pravovedenie. 2003. N 5.
2. Bagautdinov F. Otrazhenie publicnykh i lichnykh interesov v printsipakh ugovornogo sudoproizvodstva // Uголовное право. 2002. N 4.



3. Golovko L.V. Printsipy neotvratimosti otvetstvennosti i publichnosti v sovremennom rossiiskom ugolovnom prave i protsesse // Gosudarstvo i pravo. 1999. N 3.
4. Dikarev I.S. Dispozitivnost' v ugolovnom protsesse : diss. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2004.
5. Enov K. Poterpevschii v ugolovnom protsesse. Khabarovsk, 2011. 156 s.
6. Kolenko V. Problemy ugolovno sudoproizvodstva v sovremennoi Rossii. M., 2011.
7. Maslennikova L.N. Metodologiya poznaniya publichnogo i chastnogo (dispozitivnogo) nachal v ugolovnom sudoproizvodstve. M., 2000.
8. Migdal A.B. Poiski istiny. M., 1983.
9. Petrukhin I. Publichnost' i dispozitivnost' v ugolovnom protsesse // Rossiiskaya yustitsiya. 1999. N 3.
10. Ryabtseva E.V. Sootnoshenie printsipa razumnosti, publichnosti i dispozitivnosti v ugolovnom protsesse // Obshchestvo i pravo. 2011. №5.
11. Sementsov V.A., Gladysheva O.V. O vzaimosvyazi publichnosti, zakonnosti i spravedlivosti v sisteme ugolovno sudoproizvodstva // Obshchestvo i pravo. 2011. №1.
12. Solomina O. Gosudarstvo v ugolovnom sudoproizvodstve. M., 2011.
13. Khatuaeva V.V. Sootnoshenie publichnogo i chastnogo (dispozitivnogo) nachal v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve // Obshchestvo i pravo. 2011. №1.
14. Shadrin V.S. Obespechenie prav lichnosti i printsip publichnosti v ugolovnom protsesse // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 4.
15. Tarnavskii O. A., Akulin O. S. Otdel'nye problemnye voprosy otnositel'no protsessual'noi figury poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Pravo i politika. 2011. №12. С. 2053-2056.
16. Zakson A.Yu. Pravo na obzhalovanie v ugolovnom protsesse Frantsii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2011. №4. С. 168-172.
17. Mel'nikov V.Yu. Prava lichnosti v ugolovnom protsesse // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2013. №1. С. 84-90.
18. Vetrova G.N. Resheniya v mekhanizme pravovogo regulirovaniya ugolovno-protsessual'noi deyatel'nosti // LEX RUSSICA (RUSSKII ZAKON). 2009. №6. С. 1341-1364.
19. Sidorenko E.L. Dispozitivnye nachala v ugolovnom zakonodatel'stve zarubezhnykh stran // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2011. №4. С. 92-101.
20. Mel'nikov V.Yu. Obespechenie prav i zakonnykh interesov grazhdan v khode ugolovno protsessu // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2011. № 3. С. 210-218.
21. Panokin A.M. Differentsiatsiya protsessual'noi formy v ugolovnom sudoproizvodstve // LEX RUSSICA (RUSSKII ZAKON). 2010. № 3. С. 652-659.

Материал поступил в редакцию 07 августа 2013 г.